

ПРИЛОЖЕНИЕ

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

Е. М. Штаерман

SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE,
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

SHA — один из самых спорных памятников римской литературы¹. Почти каждый год появляются посвященные ему работы, в которых приводятся все новые аргументы в пользу той или иной из существующих точек зрения на время составления сборника и его возможного автора или авторов.

Таких точек зрения в настоящее время три: 1. SHA были написаны в правление Диоклетиана и Константина, как об этом сообщают сами их составители. Совпадение отдельных мест сборника с текстом более поздних авторов, в частности Аврелия Виктора и Евтропия, объясняется заимствованиями из общего источника. Встречающиеся в тексте анахронизмы относятся за счет позднейших интерполяций. Несмотря на допущенные авторами фальсификации приводимых в биографиях документов и многие измышленные или не поддающиеся проверке факты, SHA могут считаться достаточно надежным источником для истории III в. 2. SHA составлены в правление Юлиана Отступника и имели целью прославить его политику, противопоставив ее политике Констанция, очернить христиан и христианство, что должно было служить ответом на проводившееся Констанцием гонение на язычников. 3. Автором SHA был член кружка «последних язычников» из среды римских сенаторов конца IV — начала V в., близкий Симмаху и Флавию Никомаху (возможно, сын последнего), сочувствовавший узурпатору Евгению. Ряд фактов он заимствовал у предшествовавших историков, от Мариа Максима до Флавиа Никомаха, другие измыслил сам. Он скрыл свое авторство и отнес время составления сборника почти на столетие раньше, чтобы придать своему труду, имевшему агитационные цели, более веса в глазах современников. Следовательно, SHA могут служить источником не столько для истории III в., сколько для истории конца IV в., так как они представляют собою памятник идеологии высшей аристократии Рима накануне падения «вечного города».

Весьма разнообразны методы, применяемые различными исследователями для доказательства своих взглядов на время написания и степень достоверности SHA. Одни уделяют основное внимание различным фальсификациям, допущенным, по их мнению, SHA, и сопоставлению данных SHA с данными других источников. Так, например, все снова обращаются историки к вопросу о родителях императора Максимиана. Одни из них, например Альтгейм, считают, что версия об алано-готском происхождении императора вполне вероятна, так как и аланы и готы в то время могли уже оказаться на территории римских балкано-дунайских провинций, и приводимые биографом Максимиана имена его отца и матери были, как явствует из других источников, распространены среди этих народов. Напротив, другие исследователи, следующие за Дессау (например, Холь), видят в известии SHA об этнической принадлежности Максимиана один из ярчайших примеров допускаемых этим источником фальсификаций,

¹ См. А. И. Доватур, История изучения *Scriptores Historiae Augustae*, ВДИ, 1957, № 1, стр. 245—256.

причем одним из главных аргументов Холя является ссылка на то обстоятельство, что имена отца и матери Максимиана не упомянуты Геродианом, а следовательно, биограф Максимиана выдумал их сам¹.

Вообще такого рода аргументы широко используются историками, стремящимися дискредитировать SHA. Так, тот же Холь доказывает, что не встречающемся в других источниках имя отца Песценния Нигера, Фуск, выдуманно биографом Нигера, так как ему казалось, что отцу Нигера — «черного» — подходит имя Фуска — «темного»². Такого рода доводы трудно признать убедительными. Во-первых, от периода III — начала IV в. сохранилось лишь ничтожное количество написанных тогда исторических сочинений, и поэтому всякий, пытающийся установить, у какого автора заимствован тот или иной факт, неизбежно вступает в область недоказуемых домыслов. Неоднократные попытки определить, какие из цитируемых в SHA авторов существовали на самом деле, а какие были вымышлены для придания большей убедительности труду, также в значительной мере обречены на неудачу, вследствие скудости наших сведений о литературе того времени. Как справедливо отмечает Манни, и не вызывавший ни в ком особенных сомнений Светоний также ссылается на ряд авторов, оставшихся нам неизвестными³.

Во-вторых, идя по пути подобных спекуляций, можно зайти очень далеко. Так, например, если бы имена Клодия Альбина и Песценния Нигера не были засвидетельствованы другими источниками, могло бы показаться соблазнительным истолковать их как очередную игру словами SHA, с целью противопоставить светлое и темное начало, воплощенное обоими претендентами на престол. Поэтому в использовании приводимых SHA фактов, не подтвержденных другими источниками, следует придерживаться осторожности, — как и относительно данных других, более надежных авторов, если сообщаемые ими факты не контролируются другими данными, — но отвергать их полностью без достаточных доказательств нет оснований. В этом смысле характерны два примера. Биограф императора Проба сообщает об одержанных им, еще в качестве полководца Аврелиана, победах в Египте. Известие это не подвергалось особым сомнениям, пока не была опубликована надпись в честь действовавшего в то время в Египте военачальника Тенагино Проба, которого биограф императора Проба, очевидно, спутал с последним. С другой стороны, многие современные критики SHA считали измышленным персонажем сестру Септимия Севера, пунийского акцента которой будто бы стыдился император, когда она приезжала к нему в Рим из родного Лептиса. Но недавно найденная в Лептисе серия надписей в честь различных родственников Септимия Севера показала, что сестра эта действительно существовала.

Таким образом, попытки составить суждение о SHA на основании анализа отдельных встречающихся в сборнике фактов и имен вряд ли могут дать большие результаты.

Это относится не только к тем исследователям, которые стараются установить степень достоверности SHA, как исторического источника, но и к тем, которые идут аналогичным путем, стремясь выяснить дату составления SHA. Так, например, в работах, датирующих SHA концом IV в., стало общим местом выдвинутое еще Дессау изображение относительно содержащегося в биографии императора Проба пророчества, которое предрекает необычайное величие его потомкам и которое будто бы имело целью польстить одному из знатнейших вельмож второй половины IV в., Фальтонию Пробу. Но еще Лекривен совершенно справедливо указывал, что, во-первых, Фальтоний Проб никогда не претендовал на родство с императором Пробом, которое могло бы сделать его подозрительным в глазах Валентиниана, а во-вторых, что и в других императорских биографиях содержатся аналогичные предсказания о грядущей славе их рода, но ни с какими историческими деятелями второй половины IV в. связать эти

¹ E. H o h l, Über die Glaubwürdigkeit der Historia Augusta, B., 1953, стр. 4 сл.

² Ibid., стр. 12.

³ E. M a n n i, Recente studi sulla Historia Augusta, La parola del passato, 1953, fasc. 28, стр. 71—80.

предсказания не удастся¹. Мало убедительными представляются и другие аналогичные доказательства датировки SHA концом IV в. Например, Хартке связывает интерес SHA к устраивавшимся императорами зрелищам с играми, которые подготавливал Симмах по случаю претуры сына; описание гибели старших Гордианов — с обстоятельствами поражения и гибели узурпатора Евгения; упоминаемое в SHA милосердие «хороших» императоров к детям их противников — со скрытым призывом к Феодосию помиловать сыновей Евгения². Но все это моменты случайные. Игры привлекали внимание всех римлян, живших в период империи; милосердие всегда считалось одной из отличительных черт достойного правителя; наконец, то обстоятельство, что и Гордианы, и Евгений потерпели поражение вследствие неблагоприятной погоды, тоже не может считаться чем-то специфическим, так как влияние метеорологических и климатических условий на исход той или иной битвы постоянно указывается древними авторами.

Такое расчленение произведения на отдельные эпизоды и детали, источники которого не могут быть выявлены и реконструированы с достаточной степенью достоверности, нередко превращается в набор более или менее остроумных соображений и сопоставлений, но мало приближает нас к пониманию характера и значения памятника в целом, без чего по сути дела он не может быть использован как исторический источник.

Значительно более плодотворным представляется метод, который во главу угла ставит задачу выяснить общую тенденцию SHA, с тем чтобы затем определить, в какой среде и в какое время такая тенденция могла возникнуть. Однако и этот метод все еще не дал общепризнанных результатов. Бейнз и следующие за ним историки видят в SHA антихристианский памфлет, написанный сторонниками Юлиана, идеализированный образ которого послужил образцом для биографа Александра Севера. Хартке в своей последней посвященной SHA работе приводит ряд новых доводов в пользу того, что SHA — памятник идеологии «последних язычников»³. Манни отстаивает точку зрения, согласно которой, если SHA и были впоследствии отредактированы неким лицом, за счет которого можно отнести встречающиеся в них анахронизмы и вставки из более поздних авторов, то в основном они были написаны при Диоклетиане и Константине компилятором или компиляторами, использовавшими разные источники, но отразившими идеологию сенатской аристократии именно III в.⁴ Ни в коей мере не претендуя на окончательное решение этого вопроса, мы попытаемся привести некоторые дополнительные аргументы, подтверждающие последнюю концепцию.

То, что в SHA использованы и часто механически соединены различные источники, явствует из противоречивой оценки, даваемой отдельным императорам, популярным в одних и непопулярным в других слоях тогдашнего общества. Так, например, при всем отрицательном отношении к Максимино его биограф отмечает и его положительные черты — храбрость, воздержанность и целомудрие, которые помешали ему служить развратному Элагабалу. Здесь, очевидно, отразились взгляды тех, которые не считали Максимина чудовищем, а напротив, в той или иной мере одобряли его политику. Что таковые были не только в армии, показывает сравнительно доброжелательное отношение к нему Геродиана, весьма холодно отзывавшегося о сенатском идеале Александре Севере, участие в правительстве Максимина такого лица, как Модестин, занимавшего должность префекта претория, мятеж карфагенян, выступивших совместно с войском против Гордианов за Максимина, сочувствие Максимино в некоторых кругах Галлии, посылавших своих представителей в совет трех Галлий⁵.

Особенно ярко компилятивный характер SHA отразился в биографиях Галлиена и современных ему «тиранов». В правление Галлиена политический кризис в империи до-

¹ I. Lecrivain, *Études sur l'Histoire Auguste*, P., 1904, стр. 28 сл.

² W. Hartke, *Geschichte und Politik im Spätantiken Rom*, Lpz. 1940, стр. 106, 114, 156.

³ W. Hartke, *Römische Kinderkaiser*, B., 1951.

⁴ E. Mani, ук. соч.

⁵ H. Pflaum, *Le marbre de Thorigny*. P., 1948, стр. 52.

стиг своего кульминационного пункта. Поражения, которые терпели римляне почти на всех границах, усугублялись острой внутренней борьбой между различными социальными группами, выдвигавшими своих претендентов на престол. Уже начинались массовые движения сельского населения, которые вскоре вылились в восстания багаудов в Галлии, квинквентанеев в Африке, «разбойников» — исавров в Малой Азии и т. п. Естественно, что император, пытавшийся проводить более или менее твердую политическую линию в интересах определенной социальной группы, должен был приобрести значительную популярность среди ее представителей и вызвать к себе ненависть ее противников. По всем, правда, весьма скудным данным, которыми мы располагаем о политике Галлиена, мы можем заключить, что он стремился ограничить растущее могущество и притязания крупных землевладельцев и представлявшего их сената (он запретил сенаторам службу в армии, старался защитить права эфитевтов и колонов против посягательств земельных магнатов)¹ и вместе с тем поддержать города и городские слои рабовладельцев (при нем ряд городов получил дополнительные привилегии, снова появляются почти исчезнувшие при его предшественниках городские надписи, оживляются игравшие большую роль в муниципальной жизни коллегии, принимаются меры против злоупотреблений фиска и расхищения имущества мелких и средних собственников)². Он отменил преследования против христиан, уже имевших многочисленных последователей в муниципальных кругах, и, судя по приводимому Евсевием письму Дионисия Александрийского (VII, 23), нашел в христианах преданных и активных сторонников во время войн с восточными узурпаторами. Он продолжал политику первых Северов, укрепляя привилегии солдат и открывая им широкие возможности к продвижению по службе. В области идеологии, как можно судить по его монетам, он соединял со значительной веротерпимостью и вниманием к восточным культам исключительное уважение к римской религии и римской традиции, что позволяет многим исследователям видеть в Галлиене последователя Августа, которому он старался подражать в своем внешнем консерватизме и реставраторских попытках. Эти черты политики Галлиена обеспечили ему симпатии армии и городских рабовладельцев, для которых век Августа был «золотым» и которые стремились к возрождению империи в ее классических формах, но эти же черты вызвали резкую оппозицию сената и провинциальной земельной аристократии. Последняя пыталась заменить Галлиена своими ставленниками, причем наибольшего успеха она достигла в Галлии, Британии и Испании, которые целиком или частично вошли в состав Галльской империи, просуществовавшей самостоятельно 15 лет.

В соответствии с тогдашним положением дел оценка личности и деятельности Галлиена в различных источниках совершенно различна. Еще Омо отметил положительное отношение к Галлиену греческих авторов — Зосима, анонимного продолжателя Диона Кассия, Петра Патриция, Зонары, Иоанна Антиохийского — которые основывались на труде Дексиппа и каких-то других историков восточной половины империи³. Альфельди объясняет популярность Галлиена в греческой историографии его покровительством греческой культуре и дружбой с неоплатониками и вообще с эллинистической интеллигенцией⁴. Однако самая близость к ней Галлиена была лишь следствием общего направления его политики. Представляя и защищая интересы городских слоев рабовладельцев, он естественно был связан и с принадлежавшей к ним интеллигенцией. А так как города восточных провинций в силу ряда причин обладали гораздо большей жизнеспособностью и устойчивостью, чем города запада, быстро начавшие приходить в упадок с развитием кризиса рабовладельческого способа производства, то естественно, что наибольшее количество сторонни-

¹ С. J., IV, 65, 15; 16; Fr. Rom. Vat. 25.

² E. M a n n i, L'impero di Gallieno, Roma, 1949, стр. 59; D e s s a u, № 533; A. E., 1954, № 165—168; CIL, XI, 5748, 6335, 7221 и др.; С. J., IV, 62, 3; V, 71, 4—5; VII, 71,3; 73,7; X,2,2; 42,4.

³ L. H o m o, L'empereur Gallien, Rev. hist., 1913, стр. 5 и 14.

⁴ САН, т. XII, стр. 224.

ков Галлиен мог найти именно на востоке. Поэтому эллинистическая интеллигенция высоко оценивала деятельность Галлиена и отрицательно относилась к его противникам. Так, например, у большинства из тех греческих историков, которые скольконибудь подробно останавливаются на событиях, происходивших в западных провинциях, основатель Галльской империи, Постум, обрисован как военачальник, изменивший императору и возмущившийся против него. Особенно наглядно мы видим это у Зонары (XII, 24).

Напротив, представители латинской историографии того времени отражали идеологию знати. Они характеризуют Галлиена как негодного, распущенного и преступно легкомысленного правителя, который своим развратом и пренебрежением к государственным делам чуть не довел империю до распада и гибели. Однако и среди западных историков существовало известное различие. Так, Аврелий Виктор, резко отрицательно относясь к Галлиену и всецело сочувствуя сенату, весьма холодно отзывается о галльских императорах и вовсе не упоминает правителей Пальмирского царства (De Caes, 33). Евтропий же, разделяя ненависть Аврелия Виктора к Галлиену, превозносит галльских императоров и Одената. «Когда Галлиен забросил республику, — пишет он, — римская империя была сохранена на востоке Оденатом, на западе — Постумом» (IX, 8).

Версия об отпадении западных провинций от Рима из-за пороков Галлиена имеется уже в ранних галльских панегириках (VIII, 10), но там, конечно, не выдвигаются на первый план заслуги правителей галльской империи, поскольку это могло оскорбить римского императора, к которому обращался панегирист. Однако достойно внимания, что на западе традиция, враждебная Галлиену и благоприятная галльским императорам, была столь сильна, что повлияла даже на Орозия, обычно следовавшего христианской традиции. В согласии с последней он пишет, что при Галлиене род людской мог вздохнуть свободно, после того как бог наказал мучителя Валериана. Но, как житель Тарраконы, он не мог преодолеть версии, господствовавшей в западной историографии. Поэтому убийство Галлиена он объясняет его пренебрежением к делам империи и порочной жизнью, а в воспарении Постума видит один из признаков божьей милости. «Постум, — пишет он, — в Галлии захватил тиранию к большому благу республики, так как за десять лет благодаря выдающейся доблести и умеренности он изгнал господствовавших врагов и снова привел в прежнее состояние загубленные провинции» (VII, 22).

По-видимому, и в латинской историографии существовало два основных течения. Оба они были враждебны Галлиену, но одно из них, представленное Аврелием Виктором, отражало идеологию римского сената, в котором выходцы из западных провинций в то время играли сравнительно менее значительную роль¹ и который не питал поэтому особенного сочувствия к их ставленникам; другое сложилось в среде западной аристократии и в деле «спасения империи» отводило большое место галльским императорам. По-видимому, эта традиция нашла свое отражение в том источнике, галльское происхождение и существование которого предполагал Энман и который прямо или косвенно повлиял также на Евтропия и Орозия.

Не трудно заметить, как компилирует все эти разнохарактерные версии Требеллий Поллион, выступающий в SNA биографом Галлиена и тридцати тиранов. Многословно говорит он о пороках Галлиена, противопоставляя их добродетелям галльских и пальмирских правителей. Но неожиданно, вразрез с общим ходом повествования, он вдруг начинает хвалить Галлиена. Так, Поллион резко осуждает его пристрастие к греческим мистериям и его желание почтить Афины, приняв звание афинского архонта. И непосредственно за этим он с уважением отзывается о литературных талантах императора, о его греческой образованности. Далее Поллион горячо восхваляет «прекрасное дело Галлиена», которое «и сенат, и народ, и все государство приняли с чрезвычайным удовольствием», а именно назначение Одената правителем Востока (Gall. duo, 12). Наконец, повествуя о предпринятом Галлиеном после смерти Одената походе против

¹ G. Barbieri, L'albo senatorio da Settimo Severo a Carino, Roma, 1952.

персов, Поллион замечает, что, «собрав войско, Галлиен повел дело так, как и следовало искусному принцепсу» (*ibid.*, 13). Как мы видим, все эти места относятся к восточной политике Галлиена и скорее всего заимствованы у греческих авторов. Напротив, действия Галлиена на западе осуждаются особенно резко, а галльским императорам дается весьма положительная характеристика. Знаменательно также уже не раз отмечавшееся особое внимание SHA к Галлии и также неоднократно комментировавшееся положение Поллиона, что галлы призвали к власти Постума, так как они по своей природе не могут терпеть принцепсов, отступивших от римской доблести (*Gall. duo*, 4,3; *Trig. tug.* 3,3; 4). Бейнз усматривал в этом намек на Юлиана, которого провозгласили императором галлы, возмущившись против порочного Констанция¹, — но тогда становится непонятным, почему сходные мотивы мы встречаем в панегириках у Евтропия и у Орозия. Естественнее предположить, что соответственная концепция, сложившаяся в среде галльской аристократии уже ко времени составления первых панегириков, а может быть, и ранее, была заимствована у некоего автора, жившего и писавшего в Галлии.

На значительную роль, которую этот источник играл в композиции SHA, указывает и тот интерес, который в SHA проявляется не только к событиям в провинциях, но и к положению и благосостоянию провинциальных possessоров. В биографиях «плохих» императоров подчеркиваются их насилия в отношении «лучших», «первых» людей провинций, казни и конфискации, жертвой которых те становились. Напротив, «хорошие» императоры, согласно SHA, непрестанно заботились о провинциях, тщательно подбирали достойных наместников, возвращали possessорам их имущество, не изнуряли их налогами. Такая направленность SHA позволяет усомниться в том, что они отражают идеологию исключительно аристократии города Рима конца IV — начала V в. Как раз в то время у римской и провинциальной знати остается все меньше точек соприкосновения. Большая часть провинциальной земли концентрируется в руках местных собственников, которые редко выезжают из своих имений и живут главным образом интересами своих провинций. Римская же сенатская знать, в большинстве случаев не особенно богатая, занимала различные высшие государственные должности и, получая от государства высокое содержание, не была заинтересована в уменьшении государственных доходов, а следовательно, и налогов с провинций.

Но против точки зрения Хартке говорят и другие соображения. Уже давно была отмечена исключительная симпатия SHA к Антонинам. Бейнз связывал ее с симпатией Юлиана Отступника к Марку Аврелию. Хартке, с одной стороны, старался показать, что культ Антонинов не совсем заглох в среде «последних язычников», хотя приводил им тому примеры весьма незначительны², а с другой стороны, что автор SHA проводил известные аналогии между династией Антонинов и династией Флавиев, имя которых принимали императоры, правившие после Константина³. Однако гораздо естественнее искать объяснения приверженности нашего источника к Антонинам в той популярности, которой пользовался культ обожествленных «хороших» императоров и особенно Антонинов среди аристократии западных провинций во II и III вв. Как показал на основе тщательного анализа сакральных надписей Тутен, посвящения Юпитеру и капитолийской троице принадлежали, главным образом, военным и жителям тех районов, где влияние войска и связь его с местным населением были особенно сильны, а также магистратам наиболее романизованных городов, тогда как посвящения обожествленным императорам осуществлялись в основном высшими классами западных провинций⁴.

¹ N. B a y n e s, *The Scriptorum Historiae Augustae, its date and purpose*, Oxford, 1926, стр. 64 и 106.

² W. H a r t k e, *Römische Kinderkaiser*, стр. 138 сл.

³ *Ibid.*, стр. 183 сл.

⁴ I. T o u t a i n, *Les cultes païens dans l'empire Romain*, 1907, т. I, см. также U. B i a n c h i, *Disegno storico del culto capitalino nel Italia Romana e nelle provincie dell'Impero*, Roma, 1950.

В начале III в. с Антонинами связывали себя императоры различных направлений, так как такая связь представлялась гарантией законности их притязаний на престол, но затем особое уважение к культу обожествленных императоров начали проявлять именно «сенатские» императоры, тогда как императоры «солдатские» главное внимание уделяли Юпитеру и другим римским богам, которых не вытеснил и расцвет культа солнечных божеств востока. SNA говорят о покровительстве культу обожествленных императоров и особом почтении к памяти Антонинов таких императоров, как Александр Север, Гордианы, Тацит. Об этой характерной для идеологии «сенатских» императоров черте свидетельствуют и нумизматические данные. Так, на монете Гордиана II имеется надпись *Traianus divus pater*. Деций, тоже бесспорно «сенатский» император, не только принял имя Траяна, но и выпустил монетную серию с изображениями обожествленных императоров¹. Культ последних, по всей вероятности, связан с популярностью среди знати идеи «хорошего» императора. Предсказания о появлении такого сенатского «мессии» имеются в биографиях Тацита и Проба; чертами его наделялись в III в. некоторые из обожествленных императоров и в первую очередь Антонины до Коммода.

Иной круг идей представлен в чеканившихся в конце IV — начале V в. «конторниатах» — иммитациях старинных монет, которые принято было раздавать народу в праздники. Альфельди, подробно проанализировавший «конторниаты», пришел к выводу, что они были одной из форм скрытой антихристианской пропаганды, которую пытались вести «последние язычники»², т. е. именно та группа, плод идеологии которой Хартке видит в SNA. Правда, и на «конторниатах» появляются хотя и в небольшом числе изображения обожествленных императоров, но значительно большее внимание здесь уделено Нерону. Альфельди объясняет это той ролью, которая приписывалась Нерону в борьбе с христианами и распространенному среди христиан представлению о вторичном пришествии Нерона накануне конца света и его выступлении на стороне антихриста против «праведных». Все это, по мнению Альфельди, привлекало к нему язычников. Эти соображения представляются вполне убедительными, но они же показывают, что авторы SNA не могли принадлежать к той группе, которая была инициатором появления «конторниатов». Отношение авторов SNA к Нерону определяется не его антихристианской, а его антисенатской политикой, и поэтому для SNA Нерон прежде всего «тиран», образец правителя, преисполненного всевозможными пороками, достойного всяческого презрения и заслужившего, чтобы подданные его убили³. Такая точка зрения может считаться характерной именно для периода, когда в центре внимания стояла не борьба язычества и христианства, а та борьба, которая в глазах знати была результатом столкновения между «хорошими», выдвинутыми сенатом императорами и «тиранами», которым даровали власть своекорыстные, разнузданные солдаты.

С этим связан и другой важный момент. Авторы SNA считают именно солдат главными врагами «лучших людей», сенаторов и провинциальных possessоров, нарушителями мира и покоя. Неоднократно повторяют они (особенно ярко это видно в биографии Проба), что настоящее счастье станет возможным только тогда, когда солдат больше не останется, possessорам не придется жертвовать в их пользу своим имуществом, а земледельцам отвлекаться от своих обязанностей службой в армии. Но так как авторы SNA отнюдь не были пацифистами, то уничтожение войска они мыслили лишь как некий отдаленный идеал. Программой же минимум, как видно из ряда мест биографий «хороших» императоров, был переход от регулярной армии к системе военной колонизации, так как поселенные на границах империи воины-колонисты из провинциалов и варваров не требовали бы таких затрат на свое содержание, как регулярная армия, и не претендовали бы на хорошую землю в центральных областях, которую «солдатские» императоры отбирали у крупных собственников провинций с тем, чтобы раздать ее солдатам

¹ H. Mattingli, The coins of the «divi» issued by Traian Decius, The Numismatic Chronicle, 1949, ч. I—II, стр. 75—82.

² A. Alföldi, Die Kontorniaten, Budapest, 1943.

³ Vit. Marc., 8,4 и другие упоминания Нерона.

и ветеранам. Но в такой форме вопрос об армии мог стоять только в III, а не в конце IV в. В IV в. военная колонизация практиковалась уже достаточно широко. Ветераны получали участки из заброшенных имений и в связи с общим упадком мелких и средних хозяйств особенной выгоды из своих наделов не извлекали и никакой заметной роли в социальной жизни не играли. Наконец, большая часть армии состояла уже из варваров, что, как известно, вызывало опасения некоторых представителей господствующего класса, призывавших императоров возродить чисто римскую армию.

Иным было положение в III в. Армия была тогда не только военной, но и социальной силой, которую можно было противопоставить растущему могуществу крупных землевладельцев. За счет наделенных земель солдат и ветеранов, которые тогда были юридически приравнены к сословию декурионов, пополнялся и временно укреплялся слой мелких и средних землевладельцев и рабовладельцев, составлявших опору императорской власти в предыдущие века. Из солдат и ветеранов выходила значительная часть магистратов городов в тех областях западной половины империи, где кризис рабовладельческого способа производства чувствовался менее остро и где муниципальная организация еще не пришла в такой упадок, как в тех провинциях, где кризис развивался быстрее. Крупные собственники стремились завладеть максимальным количеством земли, так как в отличие от рабовладельческой виллы, расширять которую за определенные пределы было не выгодно, латифундии и сальтусы, в которых все большую роль начинал играть труд колонов, делались тем более рентабельными, чем обширнее они становились. На востоке, где города были значительно более устойчивы, чем на западе, они были главным препятствием на пути земельных магнатов. На западе, где городские слои уже не могли оказать им значительного сопротивления и где находились наиболее многочисленные и активные рейнская и особенно дунайская армии, военные выступали главными противниками крупных землевладельцев, которые, естественно, желали как можно больше ограничить роль войска. Отсюда та враждебность к солдатам, которую авторы SHA могли заимствовать только у идеологов западной аристократии III в.

То, что они сообщают о соответственных мероприятиях «сенатских» и «солдатских» императоров, подтверждается и другими данными. Так, например, надписи показывают, что при Александре Севере и Гордиане III возросло число отрядов местной милиции — *pilae*, военизированных коллегий сельской молодежи, гарнизонов укреплений, сооружавшихся и оборонявшихся императорскими колонами, — и что солдаты этих частей не получали наград от государства, а возможно, только от тех общин, которые определили их на военную службу. Вместе с тем из сочинений писавших в правление Александра Севера юристов можно заключить, что при нем ограничивались привилегии ветеранов регулярных частей, которыми они пользовались раньше и которые всячески расширяли «солдатские» императоры. Следовательно, именно в III в. шла борьба вокруг тех вопросов, которые стоят в центре внимания SHA.

С этой точки зрения не лишены значения и те совпадения, которые имеются между отдельными местами биографий Клавдия II и Проба и ранними галльскими панегириками¹. Они относятся к победам императоров над варварами и размещению пленных на провинциальных землях в качестве военных колонистов и колонов. Хартке, приводя аналогичные места из речи Симмаха в честь Валентиниана, пишет, что это были *loci communes*, на основании которых нельзя делать какие-либо выводы². Однако, если впоследствии подобные комплименты императорам действительно и становятся общим местом, то все же появляются они именно в ранних галльских панегириках, так как в предшествующей литературе этого жанра мы ничего подобного не встречаем. Как известно, первым императором, широко практиковавшим размещение пленных в качестве колонов на государственных землях, был Марк Аврелий. Любопытно, что к его правлению относится монета с надписью *Clementia* и изображением императора, поднимающего поверженного пленника. В том же смысле говорит панегирист о милосер-

¹ Claud. 9,4; Prob. 14,7; 15,2; Paneg. lat. V, 6; VIII, 1; 8—9; 21.

² W. Hartke, *Geschichte und Politik*, стр. 83.

дии Констанция Хлора, противопоставляя его Юлию Цезарю, который не щадил плен-ных¹. Изображения пленников перед императорами в большом числе повторяются и на монетах Постума и Проба, который, судя по SNA, также привел массы пленных на римские поля. Следовательно, весь этот комплекс идей — император милует пленных, обращает их в колонов, в результате, чего подымается благосостояние провинций—складывается в конце II и в III вв. То обстоятельство, что императоры конца III в., которые в отличие от Марка Аврелия не только сажали пленных на государственные земли, но и раздавали их частным собственникам, чем способствовали пополнению рабочей силы на землях крупных владельцев, — не мало укрепило позиции последних. Количество рабочих рук резко сократилось в связи с восстанием багаудов, и авторы панегириков в честь Максимиана и Констанция Хлора постоянно благодарят их за то, что они возвратили разбежавшихся земледельцев и привели новых. Все это показывает, что вопрос о рабочей силе был тогда для крупных собственников одним из самых актуальных. И то внимание, которое уделяют ему, SNA могло быть скорее результатом влияния источников конца III — начала IV в., чем авторов, для которых соответственные моменты стали лишь общим местом.

Трудно согласиться и с теми сторонниками поздней датировки SNA, которые видят в этом памятнике антихристианский памфлет ущемленных в своих интересах язычников. В SNA мы не сталкиваемся ни с «сознательным замалчиванием» христианства, которое многие исследователи считают одним из методов пропаганды «последних язычников», ни с особенной враждебностью к христианству. Напротив, из упоминаний христиан авторами SNA можно скорее заключить, что они были сторонниками широкой веротерпимости, о чем особенно ярко свидетельствует известное описание ларария Александра Севера (29,2). К тому же, по словам его биографа, Александр Север, так же как и Адриан, собиравший включить Христа в число богов и соорудить ему храм (43,7). Такое отношение могло возникнуть только в период, когда религиозная борьба затихла, когда ни язычники, ни христиане не подвергались преследованиям и дискриминации. А это опять-таки приводит нас к периоду до или после гонений Диоклетиана и к западным провинциям, где даже в период гонений особенно острой религиозной борьбы не было. Существованием такого сравнительно мирного сосуществования язычников и христиан служат каноны Эльвирского и Арелатского соборов, состоявшихся в 306 и 314 гг. Эти каноны допускали, чтобы христианин занимал должность флामीна, христианка вступала в брак с язычником, господин-христианин терпел в своем доме идолов, если в противном случае ему грозило возмущение рабов и т. п.

Таким образом, ряд соображений позволяет считать, что одним из важнейших источников SNA было сочинение, отражавшее идеологию западной аристократии III — начала IV в., и что хотя в SNA использованы также другие авторы и, возможно, SNA подверглись позднейшему редактированию, этот источник оказал на них наибольшее влияние. В таком случае главный интерес нашего памятника заключается не столько в сообщаемых им фактах, установить достоверность которых не всегда представляется возможным, сколько в общем направлении, которое позволяет судить о взглядах и политической программе значительной социальной группы, принимавшей активное участие в междоусобной борьбе, составлявшей одно из проявлений кризиса III в.

То был период, когда начавшийся с конца II в. кризис рабовладельческого способа производства в той или иной степени задел все части империи, отразился на всех сторонах ее жизни. С наибольшей силой он проявлялся там, где рабство развилось наиболее полно. Его непосредственными результатами были упадок рабовладельческих хозяйств, разорение сословия декуррионов и разложение муниципальной организации, оплот которой составляло это сословие. Другой стороной того же процесса был рост крупного землевладения основанного главным образом не на рабстве, а на колонате. Центр тяжести экономической жизни начинает постепенно перемещаться из города в крупное имение. Город, особенно на западе, чем далее, тем более теряет свое значе-

¹ Paneg. lat. XII, 6.

ние основной социальной и политической ячейки рабовладельческого общества. Он был естественной формой ассоциации рабовладельцев, так как только внутри города можно было обеспечить известную видимость «социального мира», привлечь на сторону рабовладельцев вытесненную из производства бедноту, сделать ее хотя бы в минимальной степени участницей эксплуатации рабов и предотвратить гибельный для господствующего класса союз рабов и неимущих свободных. Но для владельцев крупных имений, где в основном эксплуатировался труд колонов из числа свободных, отпущенников и рабов и где все эти категории сливались в одну более или менее однородную массу, город такой роли уже играть не мог. Подавление колонов могло осуществить или сильное централизованное государство, или достаточно крепкая внутриместная организация, которая возникает в конце IV — V в. и в полной мере развивается в эпоху феодализма.

Различие в формах эксплуатации, характерных для собственников рабовладельческих вилл и для владельцев латифундий и сальтусов, обусловило раскол господствующего класса. Он еще усугублялся тем обстоятельством, что разорявшиеся мелкие и средние рабовладельцы и самые города все чаще становились жертвами ростовщических операций и прямых насильев крупных собственников, стремившихся расширить свои владения. Их обвиняли в незаконных захватах земли, в недопустимых для хороших граждан властолюбии, эгоизме и жадности, которые мешают им делиться своим имуществом с неимущими согражданами, приносить известные жертвы для блага и единства родного города. Они, в свою очередь, выступали против тех ограничений, которые налагались городской организацией, — против расходов на город и бедноту, регулирования цен, неотчуждаемости части городских земель, попыток нормировать размер имений частных владельцев и т. п.

Борьба между этими группами, обусловившая частую смену императоров, и значительное различие в политике ставленников земельной знати и императоров, выдвинутых городскими кругами и близкой к ним армией, отразилась также в литературе, так как каждая группа в той или иной форме, старалась сформулировать свою программу.

Идеология муниципальных кругов нашла свое наиболее яркое отражение у Апулея в его изложении философии Платона и у Филострата в романе об Аполлонии Тианском. Для них характерно стремление сохранить все права и привилегии городов и городских собственников, ограничить притязания богачей и заставить их нести в пользу городов повинности в соответствии с их возможностями, поддерживать и вместе с тем держать в узде бедноту, видеть у власти императора, достаточно сильного и независимого, чтобы бороться как с земельными магнатами, так и с возможными народными движениями, но не стесняющего известной свободы и инициативы в области экономической и идеологической.

Программу части крупных землевладельцев изложил Дион Кассий в известной речи Мецената к Августу. Он требует уничтожения прав городов и даже самой городской организации, жестокого подавления не только народных масс, но и всех, могущих оказаться в оппозиции к правительству, уничтожения всяких признаков самостоятельной мысли в области религиозных и философских исканий, неограниченной монархии, опирающейся на кучку богатейших собственников, могущество которых должно быть еще усилено передачей в частную собственность огромного фонда императорских и государственных земель. Можно думать, что, как уроженец Вифинии, Дион Кассий отразил взгляды сенаторов восточной половины империи, где городские слои были еще достаточно сильны и где острая социальная борьба в городах обусловила особенно интенсивную ненависть знати к «черни».

Настаивая на преимуществах неограниченной монархии, Дион Кассий считал, что подданные всех рангов обязаны поддерживать ее, внося налоги для покрытия государственных расходов и содержания армии. Но существовала и иная точка зрения, которую у Диона Кассия высказывает выступавший в пользу восстановления республики Агриппа. Он, между прочим, говорит, что при монархии богатые и знатные ненавидят деспотизм, не желают платить подати, считая, что император сам должен нести все

затраты, связанные с управлением государством, не хотят тратиться на армию, которая живет за счет труда гражданского населения. Не подлежит сомнению, что доводы Агриппы, как и его республиканскую фразеологию, Дион Кассий слышал от представителей какой-то группы аристократии и счел нужным ответить в речи Мецената. И действительно, в той или иной форме мы встречаемся с идеями Агриппы в разных местах SNA, что лишний раз подтверждает датировку их основного источника III веком.

Источник этот, как мы пытались показать, был западного происхождения и был составлен представителем знати; этим определяются некоторые его особенности, в частности, сходство и различие с программой Диона Кассия. Сходство заключается в том, что авторы SNA протестовали против помощи городской бедноте, регулирования цен, стеснявшего наживавшихся на дороговизне богачей, и что авторы SNA считали полезной передачу государственных и императорских земель в частные руки путем продажи, раздачи, предоставления широкого права оккупации. За соответственные мероприятия они превозносили «хороших» императоров и осуждали за противоположные действия «плохих»¹. Эти пункты были одинаково важны для всех крупных землевладельцев, так как все они стремились завладеть наибольшим количеством земли и поставить в зависимость от себя максимум земледельческого населения. Система подачек городской бедноте не только лишала их части имущества, но и задерживала отлив городского населения в сельские местности, где за его счет могло бы пополниться число колоннов, батраков и даже рабов. Ведь несмотря на борьбу правительства с такими сделками самопродажа и продажа детей, судя по данным юридических источников, практиковались во все возраставших размерах и были окончательно узаконены Константином. Любопытно, что биограф идеального «сенатского» императора Александра Севера приписывает ему закон, снижавший ростовщический процент до 3%, но позволявший сенаторам взимать 6%. Задолженность была мощным средством разорения и закабаления мелких и средних землевладельцев и крупные собственники, естественно желали, чтобы у них в этом смысле были развязаны руки.

Однако по другим вопросам авторы SNA сильно расходятся с Дионом Кассием. Выше уже говорилось об их враждебном отношении к регулярной армии, существование которой Дион Кассий признавал необходимым. Постоянно возвращаются они и к вопросу об отмене или значительном снижении налогов с провинциальных посессоров и настаивают на высказанном Агриппой положении, что император должен покрывать из своих средств все государственные расходы и что поэтому императором следует выбирать богатейшего в государстве человека².

Но главное расхождение состоит в том, что авторы SNA в отличие от Диона Кассия — противники сильной императорской власти. Их политические идеалы наиболее ярко отразились в биографиях Тацита и Пропа. Из них мы видим, что наилучшей формой государства круги, идеологию которых отразили авторы SNA, считали республику, управляемую сенатом. Вместе с тем они признавали, что существование монархии пока что неизбежно. Но главу ее они мыслили почти исключительно как верховного главнокомандующего. Филострат устами Аполлония Тианского неоднократно высказывался в пользу мира, даже купленного ценой значительных сумм, выплачиваемых варварам. В том же смысле писал один из авторов герметических трактатов, хотя обычно они и не уделяли внимания политическим вопросам³. По-видимому, городские рабовладельцы, массами отпускавшие на свободу своих рабов, не рассчитывали извлечь выгоду из новых рабов, которых могли бы доставить войны. Напротив, авторы SNA считали, что император должен воевать. Они ставят в заслугу Марку Аврелию, что он не поддавался на уговоры тех, кто советовал ему примириться с варварами до окончательной победы, и осуждают Коммода за заключенный им мир⁴. Пертинакс, как «хороший» им-

¹ Ant. P., 8; Comm. 14; Pert. 9; Alex. Sev. 4; 20; 21; 39; 50.

² Ant. P., 6; 11; 17; Pert. 7; Alex. Sev. 14; 38; Trig. Tyr. 12; Tac. 10; Prob. 9; 20; 23.

³ W. Scott, *Hermetica*, Oxford, 1924—1925, XVII.

⁴ Div. Marc. 6, Comm. 3.

ператор, противопоставляется Коммоду — в первый день своего правления он дает пароль *militemus*¹. Грядущий идеальный император из рода Тацита должен был продолжать войну до тех пор, пока весь мир не подчинится римлянам²; такие же планы будто бы имелись и у Проба³. Хартке усматривает в этом намеки на завоевательные планы Феодосия⁴, но, как мы пытались показать выше, завоевательная политика, дававшая новых колонов, особенно привлекала крупных собственников III в.; вопрос о внешней политике стоял тогда очень остро и по-разному решался разными социальными группами — об этом говорит тот интерес, который проявляют к нему и авторы SNA и Филострат.

Сохраняя власть главнокомандующего, идеальный император, согласно SNA, не должен по возможности вмешиваться во внутренние дела, предоставив их сенату. Сенат должен избирать принцепсов, контролировать назначение и действия наместников провинций, издавать законы, решать важнейшие вопросы управления государством. Это-то и будет означать восстановление республики и истинную свободу⁵. Так как фразеология идеологов сената в течение столетий мало изменялась, то многие считают, что сенатская оппозиция III в. была прямым продолжением сенатской оппозиции времени Юлиев—Клавдиев. Однако это не так. В первой половине I в. «республиканцы» представляли римскую и италийскую аристократию, которая еще не могла примириться с изменениями форм управления, с расширением состава господствующего класса и добивалась сохранения за собой монопольного и бесконтрольного хозяйничания в провинциях. Ее победа привела бы к окончательному истощению провинций, все силы которых Рим продолжал бы высасывать, как во времена республики. Сенатская оппозиция III в. представляла в значительной мере интересы именно провинциальной знати. Она добивалась максимальной независимости провинциальных магнатов от римского правительства, права сохранять в их пользу возможно большую часть продукта, произведенного эксплуатируемым сельским населением. Ее победа должна была привести, и к концу существования западной империи действительно привела, к распаденю империи на провинции, а провинций на крупные домены.

Но это было еще делом отдаленного будущего. Массовые восстания сельского населения во второй половине III в., с которыми лишенная опоры в войске провинциальная знать еще была бессильна бороться своими средствами, заставили ее примириться с Римом и на время приветствовать сильную императорскую власть раннего домината. Ко времени этого примирения относятся ранние галльские панегирики и, по-видимому, основной текст SNA. Автор или авторы этого памятника, компилируя разные источники, наиболее полно отразили устремления аристократии западных провинций. Признав необходимость крепкой монархии, она не отказалась окончательно от своих идеалов и желала, чтобы императоры в какой-то мере с ними считались. Отсюда обращения к Диоклетиану и Константину. Отсюда же и резкое противопоставление «хороших» и «плохих» императоров и явная тенденциозность в характеристике тех и других, выдающая цель авторов — начертать определенную программу, иллюстрируя ее историческими примерами.

Но если это так, то должно измениться и наше отношение к SNA. На второй план отходит вопрос о том, какие из приведенных ими документов подлинны, а какие измышлены, какие неточности допущены в отдельных именах, фактах и т. п., в какой степени их достоверность дискредитируют отдельные анекдотические и явно невероятные подробности, как, например, о неестественной прожорливости и физической силе Максимиана, странностях поведения Элагабала, обстоятельствах провозглашения того или иного императора и т. д. Главный интерес нашего источника состоит в том, что он представляет собой памятник идеологии и политической программы опре-

¹ Pert. 5.

² Tac. 15.

³ Prob., 14, 5; 20, 4.

⁴ Kinderkaiser, стр. 347.

⁵ Tac. 12; 18; Prob. 13.

деленной социальной группы, принимавшей активное участие в борьбе периода кризиса III в. Сопоставляя SNA с сочинениями Диона Кассия, Геродиана, Апулея, Филострата, с данными юридических, эпиграфических, нумизматических источников о политике императоров конца II и III вв., мы сможем составить себе более ясное представление о сущности этой борьбы и окончательно отказаться от представления о кризисе III в., как о результате беспорядочной смены на императорском престоле безумцев, авантюристов и прекрасодушных идеалистов, которых возвышали и низвергали слепой случай или преступная воля разнузданных солдат. Мы увидим, что по мере возможности эти ставленники различных социальных групп стремились проводить политику, отвечавшую интересам выдвинувших их кругов, и что намотившиеся в III в. политические программы оказали влияние и на последующие события. Муниципальные слои, потерпевшие поражение во время кризиса III в., впоследствии, правда, безуспешно, снова пытались отстаивать свои интересы, и некоторые отголоски политических и философских идей Филострата можно найти у сторонников Юлиана Отступника. Программа Диона Кассия отчасти осуществлялась в период раннего домината, и соответственная политика продолжалась затем в известной мере правителями восточной половины империи. Чаюния же, ограмившиеся в SNA, снова оживляются среди земельной аристократии запада, когда, отчасти достаточно окрепнув, чтобы своими силами осуществлять подавление эксплуатируемых, а отчасти приобрета новых союзников в вождях варваров, она возобновила свою борьбу с римскими императорами. Возможно, что именно тогда SNA были паново отредактированы. Но в целом они все же представляют памятник того периода, когда под влиянием развития кризиса рабовладельческого способа производства и появления зачатков феодальных отношений происходит раскол господствующего класса и между отдельными его группами начинается борьба, во многом определившая дальнейшую историю Римской империи.

А. И. Доватур

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

Краткий очерк истории изучения *Scriptores Historiae Augustae* естественно начать с истории критической работы над текстом этого памятника римской историографии.

Ранние печатные издания интересующего нас сборника биографий¹ либо опираются на случайные рукописи, либо — в тех случаях, когда изданию предшествовало сличение разных рукописей, — обнаруживают у издателей отсутствие вполне ясного представления о сравнительной ценности имевшихся в их распоряжении рукописей.

На прочную почву изучение текста *Historiae Augustae*, дошедшей до нас далеко не в исправном виде, притом с рядом мелких и одним большим пробелом, становится в XVII в. Сомэз (*Salmasius*) первый в полной мере оценил значение кодекса P (*Palatinus*, ныне *Palatino-Vaticanus* 899) и положил его в основу своего издания *Scriptores Historiae Augustae* (Париж, 1620). До него Грутер использовал лишь отдельные места этой рукописи (Ганшвер, 1611). Утрата этой Палатинской рукописи повела в дальнейшем к тому, что в течение приблизительно полутора столетий, до 60-х годов XIX в., критика текста HA почти не подвинулась вперед. Прочие издания XVII в., а равно и

¹ Сюда относятся: миланская *editio princeps* Аккурсия (*Bonus Accursius*) 1475 г., первое венецианское издание 1489 г., венецианские же издания Альдо (альдины) 1516 и 1519 гг. (эмендацию текста произвел для них Эгнацио), базельские издания Эразма Роттердамского, вышедшие из типографии Фробена, 1518 и более поздних годов, парижское издание Робера Этьена (*Robertus Stephanus*) 1544 г. и некоторые др.